

REPRESENTATIONS OF “WHITE COLOR”: FROM SYMBOLIC FIXATION OF MEANINGS TO DENOTATIONS OF LOSS OF MEANING

Shafaghi Maryam^{1*}

Associate Professor,

Allameh Tabataba'i University,

Tehran, Iran

(date of receiving: December, 2025; date of acceptance July, 2026)

Abstract

The article examines the semantic and symbolic functioning of the color white in linguistic and cultural systems, drawing on semiotic, cognitive, and intercultural approaches. White is treated not as a neutral color term, but as a multilayered sign embedded in a network of meanings associated with purity, beginning, sacrality, silence, power, and normativity. Special attention is paid to the paradoxical nature of white as a marker of both the presence and absence of meaning, potential and emptiness. It is shown that white functions as a semiotic regulator of interpretation, creating an effect of neutrality and objectivity while simultaneously participating in the production of symbolically legitimized meanings. The analysis covers fixed expressions, metaphors, and discursive practices in which white operates as an instrument of symbolic power. An intercultural comparison of Persian and Russian traditions reveals differences in the semantic organization of white: in Persian, sacral-ritual and mythological layers prevail, whereas in Russian, cognitive-functional and normative ones dominate. The findings confirm the cultural conditioning of color semantics.

Keywords: Color Semiotics, White Color, Semantic Silence, Symbolic Power, Semantic Network, Intercultural Comparison

1. E-mail: shafaghi@atu.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0003-0244-0651>

* Corresponding author

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ «БЕЛОГО ЦВЕТА»: ОТ ИМВОЛИЧЕСКОЙ ЗАКРЕПЛЁННОСТИ СМЫСЛОВ К ДЕННОТАЦИЯМ УТРАТЫ СМЫСЛА

Шафаги Марьям^{1*}

Доцент,

Университет имени Алламе Табатабаи,

Тегеран, Иран.

(дата получения: декабрь 2025 г., дата принятия: июль 2026 г.)

Аннотация

В статье анализируется семантическое и символическое функционирование *белого* цвета в языковых и культурных системах с опорой на семиотический, когнитивный и межкультурный подходы. *Белый* рассматривается не как нейтральное цветообозначение, а как многослойный знак, включённый в сеть значений, связанных с чистотой, началом, сакральностью, молчанием, властью и нормативностью. Особое внимание уделяется парадоксальной природе *белого* как маркера одновременного присутствия и отсутствия смысла, потенциала и пустоты. Показано, что *белый* цвет функционирует как семиотический регулятор интерпретации, создающий эффект нейтральности и объективности и одновременно участвующий в производстве **символически санкционированных культурой смыслов**. Анализ охватывает устойчивые выражения, метафоры и дискурсивные практики, где *белый* выступает инструментом символической власти. Межкультурное сопоставление персидской и русской традиций выявляет различия в организации семантики *белого*: в персидском языке доминирует сакрально-ритуальный и мифологический слой, тогда как в русском — когнитивно-функциональный и нормативный. Результаты подтверждают культурную обусловленность цветовой семантики.

Ключевые слова: семиотика цвета, *белый цвет*, семантическое молчание, символическая власть, семантическая сеть, межкультурное сопоставление.

1. E-mail: shafaghi@atu.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0003-0244-0651> * ответственный автор

Введение

Проблематика цветовой семантики занимает важное место в лингвистических и культурологических исследованиях. Однако концепт белого цвета остаётся одним из наиболее многослойных и семантически неоднозначных в языковой картине мира. Белый обычно рассматривается как элемент цветономинации или культурно-ритуальных практик, тогда как его функции в смыслообразовании и семиотической регуляции интерпретации, особенно в сопоставительном аспекте, изучены недостаточно. Белый выступает не простым перцептивным признаком, а сложным семиотическим феноменом, объединяющим сакральные, нормативные, ритуальные, когнитивные и дискурсивные измерения.

Материал исследования составляют персидские тексты о символике света, ритуальных практиках и эстетике белого, а также русскоязычные исследования семиотики молчания, цветовой символики и нейтрализации смысла. Методологическая база объединяет семиотический, когнитивно-лингвистический и дискурсивный подходы.

Научная новизна состоит в интерпретации белого как динамического семиотического оператора, определяющего границы интерпретации и участвующего в производстве нормативно легитимированных смыслов. В центре исследования — его парадоксальный потенциал: способность маркировать репрезентацию и отсутствие значения, пустоту и смысловой потенциал, нейтральность и нормативность в персидской и русской традициях.

Исследование отвечает на вопрос: каким образом белый функционирует как инструмент смыслового упорядочивания, символической власти и культурного кодирования? Анализируется его связь с категориями света, праначала, сакральности, молчания, границы и нормативности. Белый рассматривается как структурообразующий элемент семиотической организации языка и культуры.

Основная часть

I. Семантическая структура белого цвета в персидской и русской лингвокультурах: основания типологизации

Белый цвет в персидской и русской лингвокультурах обладает многослойной семантикой, включающей сакральные, когнитивные, ритуальные и дискурсивные компоненты. Его функциональная вариативность обусловлена не случайными ассоциациями, а ролью в процессах смыслообразования и культурного кодирования. В обеих традициях белый маркирует не столько конкретное содержание, сколько условия возникновения и закрепления смысла: состояние до его семантической артикуляции, нормативную стабилизацию или семантическое молчание. Поэтому его интерпретации следует рассматривать как этноспецифические способы организации смысла — от первичной потенциальности до культурно и социально легитимированных значений. Типологизация семантических реализаций белого основывается на сопоставлении принципов их организации в двух традициях. В зороастрийской культуре белый цвет связан с водой, светом и образом Анахиты, покровительницы вод, плодородия и сакральной чистоты. Он репрезентирует первозданную чистоту и исходное состояние, предшествующее дифференциации значений, соотносясь с началом, потенциальностью и недифференцированностью форм (Пашутанизаде, Нерсиянц 2020. 85–86). Сходная модель представлена в русской православной традиции, где белый цвет связан со святой водой, таинством крещения, «белыми ризами» как символом очищения и нетварным Фаворским светом. Таким образом, в обеих лингвокультурах белый выступает знаком семиотической чистоты и дооформленного смыслового состояния, предшествующего культурной и нормативной дифференциации.

Синтез мистического мотива «белой речи» и иерархии света, разработанной в метафизической и семиотической традициях, позволяет

интерпретировать белый цвет как поле допредикативной семантики. Белизна функционирует как нулевой семиотический фон различения, обеспечивающий возможность актуализации содержания без преждевременной аксиологической фиксации. В этом контексте белый выступает оператором, соединяющим сакральную светимость с молчаливой потенциальностью значения — «белым молчанием» (перс. سکوت سفید [sokut-e sefid]), фиксируя момент зарождения смысла до его вербальной и оценочной категоризации (Резаи, Серами, Гари 2018. 201) (Ковалевская 2019. 248-249). В сопоставительном плане данный феномен обнаруживает типологическое сходство с концептом священного безмолвия в русской духовной традиции, где белый цвет аналогичным образом знаменует границу между апофатическим молчанием и началом божественного самооткровения.

В семиотических и когнитивно-лингвистических исследованиях «свет» трактуется как фундаментальное условие восприятия, категоризации и смыслопорождения, а не как физическое явление. В этом ракурсе белый цвет приобретает статус предельного знака первичности, соотносясь одновременно с максимальной интенсивностью света и отсутствием расчленённых признаков. Он функционирует как пограничное семантическое поле, в котором различение ещё не осуществлено, но уже задано условие его возникновения. Языковым примером, иллюстрирующим данный механизм в сопоставляемых лингвокультурах, выступает концептуализация чистой поверхности. Так, в персидском языке лексико-семантическое сочетание «сафхе-йе сефид» (перс. صفحه سفید [safhe-ye sefid] — букв. «белая страница») и его русский функциональный эквивалент «чистый лист» функционируют как когнитивные репрезентанты «нулевого» плана смысла. На лингвистическом уровне эти единицы обозначают исходное ментальное или творческое состояние, в котором отсутствие знаков служит необходимым условием для последующего порождения структурированного значения (Насири, М., Афрасиябпур, А. А., и Ахмади 2018. 59, 61).

В когнитивно-семиотической перспективе «свет» организует смысловое пространство через оппозицию «центр / периферия». Белый цвет занимает здесь двойственное положение: как максимальная светимость, он может не только выявлять, но и стирать различия между знаками. Это проявляется в феномене «ослепляющего света», при котором из-за чрезмерной яркости предметы утрачивают контуры и превращаются в единое световое поле. В персидской лингвокультуре данный концепт выражается номинацией نور خیره‌کننده (*nur-e xire-konandeh* — «слепающий свет»): интенсивное свечение делает зрительную фиксацию и различение объектов невозможными. В русской религиозно-философской традиции сходное явление связывается с «Фаворским светом», чья энергия ослепляет человека и выводит его сознание за пределы рационально-языкового различения (Кермани 2018: 167–168).

В художественном и архитектурном дискурсах белый цвет выполняет функцию когнитивного медиатора. В художественной практике он символизирует эпистемологическую ясность и направленность сознания к смыслу, обеспечивая переход от сенсорного восприятия к интеллектуальному постижению (Мунеси-Сорхе, Талеб-пур, Гударзи 2011. 9). В архитектуре белое пространство выступает формой пространственного мышления, связанной с опытом света, тишины и созерцания, создавая условия для семантической открытости и экзистенциального переживания среды. В сопоставительном аспекте этот феномен находит специфическое воплощение в обеих традициях: в персидской архитектурной культуре семантика «белого/пустого пространства» реализуется в концепции центрального двора (перс. حیاط [*hayât*] / صحن [*sahn*]), где незаполненное, залитое светом пространство выступает когнитивным центром созерцания и покоя. В русской традиции аналогичную роль играет феномен «белокаменного зодчества», где белый цвет храмовых стен в сочетании с ландшафтом формирует

пространственный образ святости, тишины и устремленности к горнему миру (Иевлева и др. 2016. 72–73).

II. *Белый* и сакральное: свет и мистический смысл.

В мистико-философской традиции монотеистических религий *свет* осмысливается как онтологический принцип явленности сакрального и медиатор между трансцендентным источником и человеческим познанием. Он представляет собой иерархически организованную реальность, в которой степени светимости соотносятся с уровнями духовного присутствия и знания. «Существует предание, согласно которому Пророк Ислама рекомендовал два цвета – белый и зеленый. С точки зрения исламского учения, белый цвет считается предпочтительным для одежды, является символом «Дня Воскресения», когда райские обитатели предстают в одеждах из белого (или зеленого) шелка» (Яхьяпур, Карими-Мотаххар, Мальцева 2026. 198). В данной иерархии *белый* репрезентирует предельную форму светимости — состояние очищенной восприимчивости, где различия утрачивают актуальность и смысл присутствует в недифференцированной целостности.

В суфийской традиции *белизна* коррелирует с интуитивной достоверностью *شهود* [shuhud] (мистическое (интуитивное) созерцание), превосходящей рационально-дискурсивные формы знания. *Белый* функционирует не как статический знак *чистоты*, а как динамический семиотический оператор перехода от чувственно расчленённого опыта к сфере явленного сакрального, в которой смысл предшествует вербализации и оценочной фиксации (Резаи, Серами, Гари 2018. 201–201).

Феномен «*белого* молчания» интерпретируется как особый режим *ритуальной тишины*, выступающей медиумом между человеческим восприятием и трансцендентным смыслом. Такое молчание не является паузой, а формирует структурированное пространство очищенной семантики,

свободной от преждевременных интерпретаций (Хабибуллина 2024. 211–212; Ломов и др. 2022. 245–247; Никубахт, Гасемзаде 2008. 193–196).

Сакральная семантика *белого* получает продолжение в языковых структурах, где *белизна* осмысляется как пространство допредикативной потенциальности. Выражения کاغذ سفید [kaghaz-e sefid] (белая бумага) и صفحه سفید [safeh-e sefid] (белая страница) фиксируют *белый* не как показатель отсутствия содержания, а как признак исходной, ещё не реализованный смысловой возможности - пограничной позиции между сакральной иерархией света и когнитивной способностью смыслопорождения. В совокупности это позволяет трактовать *белый цвет* как семиотический оператор перехода от сакральной явленности к языку и значению.

III. «Белый цвет» как маркер чистоты и сакральности.

В западноевропейской христианской культурной традиции белый цвет первоначально функционировал как сакрально-ритуальный маркер, однако в ходе исторического развития его семантика сместилась в сторону эстетической нормы и визуального контроля. Белый стал обозначать телесный идеал, опрятность и социально допустимый внешний вид. В славянской и особенно русской лингвокультурной традиции, напротив, белый сохраняет устойчивую позитивную оценочность и системно соотносится с моральной нормой и «правильным» устройством мира (белый свет, белый человек, жить по белому). При этом в иранской и зороастрийской традиции белый цвет остаётся прежде всего ритуальным маркером чистоты, перехода и сакрального статуса, тогда как зелёный соотносится с материнством, землёй и плодородием, образуя вместе с белым устойчивую гендерно-ритуальную модель («девица / мать»; свадебный переход от белого к зелёному) (см.: Шафаги 2025 а. 21-22; Шафаги 2025 б. 249-251). Эта траектория служит фоном для сопоставления культурных систем, в которых белый продолжает

выполнять ритуально-нормативную функцию и сохраняет связь с сакральной чистотой, ритуализированными переходами и ценностной структурой мира.

В историко-культурной перспективе семантика белого формируется как многослойная система, в которой сакральные и ритуальные значения предшествуют его эстетизации. В иранской традиции и зороастрийском вероучении белый устойчиво ассоциируется с ритуальной чистотой, духовной ясностью и космическим божественным порядком (Пашутанизаде, Нерсиянц 2020. 92). Здесь он выполняет регулятивную функцию, маркируя принадлежность к миру *اشا* [ashā] (мир истины и правильного устройства бытия), что подтверждается устойчивым сохранением *белого* в одеянии мобедов, зороастрийских священнослужителей, все из которых традиционно облачаются в белые ритуальные одежды.

Особое значение *белый* приобретает в женской ритуальной символике зороастрийцев, особенно в традиции города Йезда в Иране. Он маркирует *девственность*, сакральную чистоту и связь с водной стихией и богиней Анахитой, тогда как *зелёный* соотносится с материнством, землёй и плодородием, воплощённым в образе Спента Армаити. Эта цветовая оппозиция формирует бинарную модель «девица / мать»: до брака невеста носила *белое*, в день свадьбы - *зелёное*, что символизировало нормативный переход к социально и сакрально признанному статусу супруги (Пашутанизаде, Нерсиянц 2020. 87).

В иконографии и ритуальной материи белый символизирует нормативную чистоту, необходимую для легитимации брачного перехода, тогда как зелёный соотносится с земным плодородием. В «Абан-Яште», посвящённом Ардвисуре Анахите, белизна молока и воды связывает белый с жизнетворной влагой, красотой и свободой. Тем самым цвет включается в систему ритуальных переходов и гендерно маркированных ролей, обозначая пороговый этап женской жизни (Пашутанизаде, Нерсиянц 2020: 53–71).

В доисламской иранской культуре белый в трауре символизировал очищение и сакральный переход, а не утрату. Позднейшее утверждение чёрного связано с исламской переинтерпретацией смерти; его политический статус был институционализирован Аббасидами как знак халифатской легитимности (Наземян-Фард 2011: 139). Тем самым исламская политическая символика чёрного отличается от иранской ритуально-сакральной семантики белого.

В более широком культурно-семиотическом плане *белый* функционирует как маркер социальной допустимости и нормативной чистоты, закреплённый в ритуальных практиках и направленный на символическую валидацию легитимного статуса субъекта или действия (Ангарская 2023. 16–20).

На уровне языка эта семантика получает устойчивое закрепление. В русском лингвокультурном пространстве *белый* системно соотносится с нормативностью и «правильным» устройством мира (Черокова и др. 2025. 287–290). Аналогично в персидском языке выражения دل سفید [del-e sefid] (белое сердце), روی سفید [ruy-e sefid] (белое лицо), روسپید بودن [ruspid budan] (выйти с белым лицом, выйти с честью) кодируют общественно признанную честь, моральную допустимость и символическую легитимность субъекта (Мельничук, Руфова 2019. 105–106).

IV. Белый и семантическое молчание

В семиотико-философской перспективе белый цвет обозначает не столько отсутствие смысла, сколько его потенциальность. Он функционирует как отсутствие актуализированного знака, а не как «пустой знак»: не передаёт конкретного содержания, но сохраняет возможность его последующей семантизации. Поэтому белое визуальное, текстовое или символическое пространство представляет собой не семиотический ноль, а структурированное молчание.

В суфийской герменевтике белое связано с намеренным молчанием, при котором знак отступает, открывая пространство произнесённого смысла. В традиции, восходящей к Мавлане, «белая речь» понимается как высказывание, очищенное от оценочных и аффективных наслоений: значение ещё не оформлено предикативно, но присутствует как внутренняя очевидность. Мотивы белой речи и белых дней маркируют духовное просветление и неартикулированную потенциальность смысла. Таким образом, белое выступает семиотическим интервалом между наличием и проявлением, то есть моделью «снятой говоримости» (Резаи, Серами, Гари 2018: 201).

В мистико-философской традиции трактатов о свете *белый* обнаруживает специфический режим *семантического молчания*, основанный не на утрате значения, а на его предельной потенциальности. В иранской лингвокультуре это соотносится с понятием نور کنه [Noog-e konh] (свет сущности) — светом, предшествующим любому дифференцированному проявлению, ещё не ставшим ни воспринимаемым, ни символическим, ни семантическим, то есть светом как чистой возможностью явленности. В исламско-иранской эстетике *белый* маркирует момент доразличения, при котором знаковая форма устранена, а смысл пребывает в модусе скрытой доступности. *Молчание белого* здесь не является пустотой: прекращение различий выступает условием последующего смыслового проявления. Тем самым *белый* функционирует как медиальная зона между явленным и неявленным, обозначая границу, где знак отступает, а смысл сохраняет свою потенциальность без актуализации (Ломов, Аманжолов, Федосенко 2022. 245–246).

V. Белый и символическая смерть

В символично-антропологическом измерении *белый* маркирует не физическую смерть, а форму символического завершения, связанную с разрушением прежней идентичности и переходом к иному социальному и экзистенциальному статусу. В иранской культурной традиции, в частности в

женских ритуалах, *белый* репрезентирует фазу инициационного разрыва, при которой девичье состояние утрачивает социальную валидность и заменяется новой, институционально и сакрально легитимированной ролью. Лингвокультурные данные подтверждают этот переходный характер *белого*. Так, выражения لباس سفید پوشیدن [lebās-e sefid pushidan] (букв. надеть белое) и سفیدبخت شدن [sefid-bakht shodan] (букв. стать белосчастливой) фиксируют момент разрыва с предыдущим статусом и вступление в новую социальную роль. В ритуальном дискурсе свадьбы белое платье не только обозначает чистоту, но и символизирует «ритуальную смерть» девичьего состояния, его окончательное исчезновение как социально значимой категории. В персидской традиции выражение روز سفید [ruz-e sefid] (белый день) в свадебном контексте также маркирует пороговый момент, когда старая идентичность символически завершается. Таким образом, *белый* обозначает не конец жизни, а завершение одной символической структуры и начало другой, функционируя как цвет ритуальной смерти в смысле антропологии перехода (Пашутанизаде, Нерсисянц 2020. 86–100).

В иранских погребальных и траурных практиках *белый* также не акцентирует утрату, а подчеркивает процессы очищения и отделения умершего - либо символически «умирающего» - от прежнего мирского порядка. В лингвокультурной традиции это проявляется в устойчивых выражениях کفن سفید [kafan-e sefid] (белый саван) и با لباس سفید رفتن [bā kafan-e sefid raftan] (букв. уйти в белых одеяниях / уйти в белом), где *белый* фиксирует не столько факт физической смерти, сколько переход в иной онтологический статус. В этих выражениях *белый* выступает маркером разрыва и очищения, подчеркивающим дистанцирование субъекта от прежнего социального поля. *Смерть* осмысливается как лиминальный момент перехода – состояние, в котором субъект уже выведен из старой системы, но ещё не интегрирован в новую. В русской культуре.

В мифопоэтической перспективе белый осмысляется как «мать цветов» — первоисточник хроматического и символического порядка, связанный с чистотой, обновлением и ритуальным восстановлением мира (Чумакова, Сурженко 2018: 2). В обрядах перехода символическая смерть означает не разрушение, а необходимое условие трансформации и сакрализации нового статуса (Баянова 2002: 595). В иранском и ряде евразийских контекстов белый выступает медиатором между жизнью и смертью, старым и новым, профанным и сакральным, оформляя переход как обратимый процесс возобновления символического порядка.

VI. Белый и символическая власть

Нормативный потенциал белого, связанный с чистотой, правильностью и истинностью, делает его регулятором интерпретации. Белизна создаёт эффект символической нейтральности и «прозрачности», задавая границы допустимых смыслов. Тем самым она вытесняет культурно и аксиологически маркированные интерпретации и может функционировать как механизм семиотической гегемонии в процессах смыслопорождения (Резаи, Серами, Гари 2018: 201–202).

Как носитель предельной световой интенсивности, белый становится визуально-дискурсивным механизмом нормирования. Он устанавливает эталон чистоты и корректности, формирует когнитивные ожидания и закрепляет иерархии значений как естественные и внеисторические. В архитектурных, ритуальных и текстовых практиках белый не только репрезентирует сакральное, но и институционально регулирует допустимые способы его восприятия (Ломов, Аманжолов, Федосенко 2022: 245–246).

Современные исследования показывают, что свет и цвет в искусстве не обладают универсальной семантикой, а выступают элементами символической власти. Подобно языковым знакам, они участвуют в формировании

нормативных режимов интерпретации, скрывая механизмы смыслового нормирования за эстетическим переживанием (Асгари, Игбали 2013: 47–48).

В исламском искусстве белый выступает средством семиотической регуляции сакрального пространства: архитектурные поверхности, ткани и орнаменты создают визуально очищенное и аксиологически упорядоченное поле. Это способствует закреплению доминирующих духовных ценностей и ограничению альтернативных интерпретаций. В современном языковом дискурсе белый также включается в нормативно-оценочные модели, связываясь с чистотой, легитимностью, рациональностью и социальной допустимостью. Устойчивые выражения закрепляют его как эталон нормы, противопоставленный семантике отклонения (Джумамуратова 2025: 309).

В персидском политико-социальном дискурсе данный механизм проявляется в форме идеологической легитимации. Выражения پرچم سفید [parcham-e sefid] (белый флаг), سفیدسازی [sefid-sāzi] (нормативная «зачистка» или идеологическое «обеление») и انقلاب سفید [enqelāb-e sefid] (белая революция) используют *белый* как инструмент символического упрощения и придания приемлемого, неконфликтного облика социальным процессам. В этих употреблениях *белый* маркирует порядок и допустимость и порядок, смягчая напряжённость означаемого и представляя идеологически нагруженные явления в социально санкционированном форме. Критический анализ подобных примеров позволяет усомниться в представлении о семантической нейтральности *белого цвета*. Его кажущаяся прозрачность маскирует активную идеологическую функцию — формирование границ допустимого значения и воспроизводство культурной и символической нормативности. Таким образом, *белый*, не только отражает установленные нормы, но и участвует в их конструировании как активный семиотический агент контроля и легитимации.

Сопоставление представленных лингвокультурных материалов показывает, что при внешней универсальности цветообозначения семантика *белого* существенно варьируется в зависимости от культурных моделей и способов организации языкового сознания. Значение *белого* формируется не на уровне изолированной лексемы, а внутри устойчивых семантических микросистем, в которых язык закрепляет коллективные ценности, нормативные ожидания и иерархии смысла (Базарбаева 2018. 5800-5801). В этом качестве *белый цвет* выступает одним из важных инструментов символической регуляции, организующих пространство допустимой интерпретации.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что белый цвет в языковых и культурных системах функционирует не как нейтральное обозначение, а как сложный семиотический знак, связанный с чистотой, сакральностью, молчанием, переходом и символической властью. Его семантика формируется во взаимодействии языка, культурной памяти и культурно обусловленных моделей интерпретации.

Белый цвет обладает амбивалентным потенциалом, выражая чистоту и завершённость, начало и конец, присутствие и отсутствие. Его семиотическая «прозрачность» позволяет ему выполнять регулятивную функцию: направлять интерпретацию и структурировать возможные значения в рамках конкретной традиции.

Анализ персидского материала выявляет устойчивость сакрально-ритуальных и символических значений белого, связанных с культурными представлениями о порядке и чистоте. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в курсах лингвокультурологии, межкультурной коммуникации и этнопсихологии, а также в переводческой практике.

Литература

- 1- Ангарская, В. П. (2023). *Роль цветообозначений в формировании языковой картины мира у разных народов*. Актуальные вопросы современной филологии и журналистики, (4 (48)), 14–24.
- 2- Базарбаева, А. (2018). *Семантика цвета в английском и русском языках*. European Academic Research, 5 (10), 5798–5805.
- 3- Баянова, А. Т. (2020). *Семантика белого цвета в фольклорном тексте: Лингвокультурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г.И. Рамstedта)*. Монголоведение / Mongolian Studies, 12 (4), 592–604.
- 4- Джумамуратова, Г. Ж. (2025). *Цвет как носитель культуры: Анализ концептов*. Conference of Natural and Applied Sciences in Scientific Innovative Research, 2 (6), 308–310.
- 5- Иевлева, О. А., & Самогоров, В. А., Пастушенко В.Л. (2016). *Белый цвет в архитектуре*. Человек и город, 1 (3), 69–73.
- 6- Ковалевская, С. А. (2019). *Эколингвистические концепты «белое безмолвие» / «white silence» и их лексикографическая репрезентация*. Гуманитарные и социальные науки, (1), 247–257.
- 7- Ломов, С. П., Аманжолов, С. А., & Федосенко, Е. В. (2022). *Роль белого цвета в формировании комфортной образовательной среды*. Проблемы современного педагогического образования, 244–247.
- 8- Мельничук, О. А., & Руфова, Е. С. (2019). *Символика цветового эпитета «белый» в японских и якутских художественных произведениях (на материале поэзии Такамура Котаро и Ивана Гоголева)*. Вестник СВФУ, (5 (73)), 101–108.
- 9- Хабибуллина, Л. (2024). *Изображение власти природы над людьми и формирование характера в рассказе «Белое молчание»*. Зарубежная лингвистика и лингводидактика, (2 (4/S)), 209–215.
- 10- Черокова, А. В., Алексеева, В. К., Иванова, Е. Ю., & Уткина, И. В. (2025). *Символика белого цвета, его интерпретация в европейской культуре и использование в костюме разных эпох*. Общество: философия, история, культура, (5), 286–296.
- 11- Чумакова, Л. А., Сурженко, Н. Б. (2018). *Символика цвета в традиционном костюме народов Поволжья*. Издательский дом «Среда», 1–5.
- 12- Шафаги Марьям (2025 а.). *«Зеленый» как зеркало иранских лингвокультурных представлений*. Филологические науки. № 6. С.: 20-26.
- 13- Яхьяпур М., Карими-Мотаххар Дж., Мальцева Т.В. *«Зеленый стяг» Востока в руках Ивана Бунина* // Вестник славянских культур. 2026. Т. 80. С. 195–209. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-80-195-209>

- 14- Asgari, F., & Eghbali, P. (2013). *Tajalli-ye namad-ha-ye rangi dar ayineh-ye honar-e eslami* [The manifestation of color symbols in the mirror of Islamic art]. *Glory of Art Alzahra Scientific Quarterly Journal*, 5(1), 43-62. doi: 10.22051/jjh.2013.35
- 15- Kirmani, M. (2018) *COGNITIVE ANALYSIS OF MEANING OF COLOR TERM “WHITE”: CATEGORIZATION AND PROTOTYPE THEORY IN FOCUS*, *Sosyal Bilimler Araştırmaları Dergisi (SBArD)*, 16(32), 157-178.
- 16- Mounesi Sorkheh, T., Talebpour, F., & Goudarzi, M. (2010). *No'-e لباس va namad-ha-ye rang dar erfān-e eslami* [Type of clothing and color symbols in Islamic mysticism]. *Honar-ha-ye Ziba-Honar-ha-ye Tajassomi* [Fine Arts-Visual Arts], 44(2), 5–14.
- 17- Nasiri, M., Afrasiabpour, A. A., & Ahmadi, F. (2018). *Namad-e erfani-ye rang dar honar va memari-ye eslami* [The Mystical Symbolism of Color in Islamic Art and Architecture]. *Faslname-ye Erfan-e Eslami* [Islamic Mysticism Quarterly], 14(56), 53–71
- 18- Nazemian Fard, A. (2011). *Vakavi-ye korbord-e rang-e siyah dar miyan-e Abbasian* [An analysis of the use of black color among the Abbasids]. *Motale'at-e Tarikh-e Farhangi* [Cultural History Studies], 2(7), 137–156.
- 19- Nikoubakht, N., & Ghasemzadeh, A. (2008). *Symbolism-e nur va rang dar erfān-e Irani-Eslami* [Symbolism of light and color in Iranian-Islamic mysticism]. *Motale'at-e Erfani* [Mystical Studies], 8(4), 15–185.
- 20- Pashootanizadeh, A., & Nercissians, E. (2020). *White and Green, as Symbolic Colors in the Culture and Art of Zoroastrian Women in Yazd*. *Iranian Journal of Anthropological Research*, 10(1), 81-104.
- 21- Rezaei, M., Sarami, G., & Ghari, M. R. (2018). *Barresi-ye sokhan va khamushi-ye siyah va sepid dar andisheh va asar-e Mowlana Jalal-al-Din Balkhi va Shams-e Tabrizi* [An investigation of black and white speech and silence in the thought and works of Rumi and Shams Tabrizi]. *Faslname-ye Erfan-e Eslami* [Islamic Mysticism Quarterly], 14(55), 193–212. <https://sid.ir/paper/523369/fa>
- 22- Shafaghi, M. (2025 b.). *Semantic classification of adjective combinations expressing boring emotions in the Russian verbal environment*. *Journal of Foreign Language Research*, 15(3), 245-260.

Bibliography

- 1- Angarskaia, V. P. (2023). *Rol' tsvetooboznachenii v formirovanii iazykovoi kartiny mira u raznykh narodov*. *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki*, (4 (48)), 14–24.
- 2- Bazarbaeva, A. (2018). *Semantika tsveta v angliiskom i russkom iazykakh*. *European Academic Research*, 5 (10), 5798–5805.

- 3- Baianova, A. T. (2020). Semantika belogo tsveta v fol'klornom tekste: Lingvokul'turologicheskii aspekt (na primere kalmytskikh skazok v zapisi G.I. Ramstedta). *Mongolovedenie / Mongolian Studies*, 12 (4), 592–604.
- 4- Dzhumamuratova, G. Zh. (2025). Tsvet kak nositel' kul'tury: Analiz kontseptov. Conference of Natural and Applied Sciences in Scientific Innovative Research, 2 (6), 308–310.
- 5- Ievleva, O. A., & Samogorov, V. A., Pastushenko V.L. (2016). Belyi tsvet v arkhitekture. *Chelovek i gorod*, 1 (3), 69–73.
- 6- Kovalevskaya, S. A. (2019). Ekolingvisticheskie kontsepty «beloe bezmolvie» / «white silence» i ikh leksikograficheskaya reprezentatsiya. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, (1), 247–257.
- 7- Lomov, S. P., Amanzholov, S. A., & Fedosenko, E. V. (2022). Rol' belogo tsveta v formirovanii komfortnoi obrazovatel'noi sredy. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya, 244–247.
- 8- Mel'nichuk, O. A., & Rufova, E. S. (2019). Simvolika tsvetovogo epiteta «belyi» v iaponskikh i iakutskikh khudozhestvennykh proizvedeniakh (na materiale poezii Takamura Kotaro i Ivana Gogoleva). *Vestnik SVFU*, (5 (73)), 101–108.
- 9- Khabibullina, L. (2024). Izobrazhenie vlasti prirody nad liud'mi i formirovanie kharaktera v rasskaze «Beloe molchanie». Zarubezhnaya lingvistika i lingvodidaktika, (2 (4/S)), 209–215.
- 10- Cherokova, A. V., Alekseeva, V. K., Ivanova, E. Iu., & Utkina, I. V. (2025). Simvolika belogo tsveta, ego interpretatsiya v evropeiskoi kul'ture i ispol'zovanie v kostiume raznykh epokh. Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura, (5), 286–296.
- 11- Chumakova, L. A., Surzhenko, N. B. (2018). Simvolika tsveta v traditsionnom kostiume narodov Povolzh'ya. Izdatel'skii dom «Sreda», 1–5.
- 12- Shafagi Mar'iam (2025 a.). «Zelenyi» kak zerkalo iranskikh lingvokul'turnykh predstavlenii. Filologicheskie nauki. № 6. S.: 20-26.
- 13- Iakh'iapur M., Karimi-Motakhkhar Dzh., Mal'tseva T.V. «Zelenyi stiag» Vostoka v rukakh Ivana Bunina // Vestnik slavianskikh kul'tur. 2026. T. 80. S. 195–209. https://doi.org/10.37816/2073_9567_2026_80_195_209
- 14- Asgari, F., & Eghbali, P. (2013). Tajalli-ye namad-ha-ye rangi dar ayineh-ye honar-e eslami [The manifestation of color symbols in the mirror of Islamic art]. Glory of Art Alzahra Scientific Quarterly Journal, 5(1), 43-62. doi: 10.22051/jjh.2013.35
- 15- Kirmani, M. (2018) COGNITIVE ANALYSIS OF MEANING OF COLOR TERM “WHITE”: CATEGORIZATION AND PROTOTYPE THEORY IN FOCUS, Sosyal Bilimler Arastirmalari Dergisi (SBArD), 16(32), 157-178.

- 16- Mounesi Sorkheh, T., Talebpour, F., & Goudarzi, M. (2010). *No'-e lebas va namad-ha-ye rang dar erfān-e eslami* [Type of clothing and color symbols in Islamic mysticism]. *Honar-ha-ye Ziba-Honar-ha-ye Tajassomi* [Fine Arts-Visual Arts], 44(2), 5–14.
- 17- Nasiri, M., Afrasiabpour, A. A., & Ahmadi, F. (2018). *Namad-e erfani-ye rang dar honar va memari-ye eslami* [The Mystical Symbolism of Color in Islamic Art and Architecture]. *Faslname-ye Erfan-e Eslami* [Islamic Mysticism Quarterly], 14(56), 53–71
- 18- Nazemian Fard, A. (2011). *Vakavi-ye karbord-e rang-e siyah dar miyan-e Abbasian* [An analysis of the use of black color among the Abbasids]. *Motale'at-e Tarikh-e Farhangi* [Cultural History Studies], 2(7), 137–156.
- 19- Nikoubakht, N., & Ghasemzadeh, A. (2008). *Symbolism-e nur va rang dar erfān-e Irani-Eslami* [Symbolism of light and color in Iranian-Islamic mysticism]. *Motale'at-e Erfani* [Mystical Studies], 8(4), 15–185.
- 20- Pashootanzadeh, A., & Nercissians, E. (2020). *White and Green, as Symbolic Colors in the Culture and Art of Zoroastrian Women in Yazd*. *Iranian Journal of Anthropological Research*, 10(1), 81-104.
- 21- Rezaei, M., Sarami, G., & Ghari, M. R. (2018). *Barresi-ye sokhan va khamushi-ye siyah va sepid dar andisheh va asar-e Mowlana Jalal-al-Din Balkhi va Shams-e Tabrizi* [An investigation of black and white speech and silence in the thought and works of Rumi and Shams Tabrizi]. *Faslname-ye Erfan-e Eslami* [Islamic Mysticism Quarterly], 14(55), 193–212. <https://sid.ir/paper/523369/fa>
- 22- Shafaghi, M. (2025 b.). *Semantic classification of adjective combinations expressing boring emotions in the Russian verbal environment*. *Journal of Foreign Language Research*, 15(3), 245-260.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Shafaghi Maryam (2026). REPRESENTATIONS OF “WHITE COLOR”: FROM SYMBOLIC FIXATION OF MEANINGS TO DENOTATIONS OF LOSS OF MEANING. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, 14(2), 187-206.

DOI: 10.66224/IARLL.28.10

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/405>

نمایش‌های «رنگ سفید»: از تثبیت نمادین معانی تا دلالت‌های از دست دادن معنا

مریم شفق^{*۱}

دانشیار،

دانشگاه علامه طباطبائی،

تهران، ایران.

(تاریخ دریافت: دسامبر ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۲۶)

چکیده

این مقاله به بررسی کارکرد معنایی و نمادین رنگ سفید در نظام‌های زبانی و فرهنگی با اتکا بر رویکردهای نشانه‌شناختی، شناختی و بین‌فرهنگی می‌پردازد. رنگ سفید نه به‌مثابه یک واژه رنگی خنثی، بلکه به‌عنوان نشانه‌ای چندلایه تحلیل می‌شود که در شبکه‌ای از معانی مرتبط با پاکی، آغاز، امر قدسی، سکوت، قدرت و هنجارمندی جای گرفته است. توجه ویژه‌ای به ماهیت متناقض رنگ سفید معطوف شده است؛ به‌گونه‌ای که هم‌زمان نشانگر حضور و غیاب معنا، امکان و خلأ است. نشان داده می‌شود که سفید به‌عنوان تنظیم‌گر نشانه‌ای تفسیر عمل می‌کند و در عین ایجاد جلوهای از بی‌طرفی و عینیت، به‌طور فعال در تولید معانی مشروعیت‌یافته نمادین مشارکت دارد. تحلیل، عبارات تثبیت‌شده، استعاره‌ها و رویه‌های گفتمانی را دربرمی‌گیرد که در آن‌ها سفید به‌منزله ابزاری برای قدرت نمادین عمل می‌کند. مقایسه بین‌فرهنگی سنت‌های زبانی فارسی و روسی تفاوت‌هایی را در سازمان‌دهی معنایی سفید آشکار می‌سازد: در زبان فارسی، لایه‌های آیینی-قدسی و اسطوره‌ای غالب است، حال آنکه در زبان روسی، لایه‌های شناختی-کارکردی و هنجاری برتری دارند. یافته‌ها وابستگی فرهنگی معناشناسی رنگ را تأیید می‌کنند.

واژگان کلیدی: نشانه‌شناسی رنگ، رنگ سفید، سکوت معنایی، قدرت نمادین، شبکه معنایی، مقایسه بین‌فرهنگی.

1. E-mail: shafaghi@atu.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0003-0244-0651>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی